

ИСТОРИЯ ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 376.32+94(73).085

Тимофеев Михаил Анатольевич

SPIN-код: 3102–2797

кандидат исторических наук, руководитель Центра содействия развитию научных исследований в специальном образовании им. В. П. Кащенко ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики», г. Москва
timofeev@ikp.email

«ОБРАЗОВАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ СЛЕПЫХ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ВСЕОБЩИЙ ИНТЕРЕС»: ДИСКУССИЯ 1887 ГОДА В АМЕРИКАНСКОМ ЖУРНАЛЕ THE CENTURY MAGAZINE (Окончание. Начало см. № 3, 2025, с. 170–181)

Аннотация. Предлагаемый перевод материалов из журнала The Century magazine (США, 1887) предоставляет возможность ознакомления, рассмотрения и изучения позиции представителей разных профессиональных групп американского общества последней четверти XIX века в вопросах образования и социализации незрячих детей и взрослых.

Опубликованные в журнале Century письма тифлопедагогов Э. Перри и Дж. Мори иллюстрируют существовавшую разницу во взглядах на отдельные этапы образовательного процесса незрячих детей (необходимость и методика использование тифлооборудования и тифлопособий), оценку важности и роли персонального потенциала учащегося, значимость индивидуального обучения на дому и обучения в специальной школе. Особое место уделяется отношению общества к проблеме обучения и социализации незрячих, а также перспективам их участия в производительном труде.

Ключевые слова: тифлопедагогика в США, обучение незрячих детей и взрослых, социализация слепых, отношение общества к незрячим и их возможностям.

M. A. Timofeev

**“THE EDUCATION AND OPPORTUNITIES OF THE BLIND
ARE OF UNIVERSAL INTEREST”: THE PUBLIC DISCUSSION OF 1887
IN THE CENTURY MAGAZINE**

(End. For the beginning, see No. 3, 2025, pp. 170–181)

Abstract. The proposed translation of materials from the *Century magazine* (USA, 1887) provides an opportunity to familiarize oneself with, consider, and study the positions of representatives from various professional groups in American society of the last quarter of the 19th century on the issues of education and socialization of blind children and adults.

The letters from typhlopedagogues E. Perry and J. Morey, published in *The Century magazine*, illustrate the existing differences in views on certain stages of the educational process for blind children (the necessity and methodology of using special equipment and aids for the blind), the assessment of the importance and role of the student's personal potential, and the significance of individual home-based learning versus education in a special school. Special attention is given to society's attitude towards the problem of education and socialization of the blind, as well as the prospects for their participation in productive labor.

Keywords: typhlopedagogy in the USA, education of blind children and adults, socialization of the blind, society's attitude towards the blind and their opportunities.

II. Слепые как ученики¹

В нашей стране мы очень гордимся нашими специальными школами для этой особой категории людей, и не без оснований. Несомненно, они уже сделали и продолжают делать огромное количество добра; несомненно, по сравнению с европейскими, они являются вершиной совершенства в плане системы и управления. Однако их обучение крайне односторонне, а охват – при- скорбно ограничен.

Многие полагают, что единственно разумный путь, как только человеку моложе тридцати лет ставят диагноз «безнадёжная слепота», – не-

медленно отправить его в одно из таких учреждений и держать там до тех пор, пока он не выйдет оттуда «готовым образцом» образовательного совершенства. Для ребёнка бедных или совершенно неспособных родителей это, возможно, единственный выбор – и хорош он или плох, выбирать не приходится; но если дома ему могут быть обеспечены достаточные средства, внимание и разумный уход, то гораздо лучше, чтобы он оставался там большую часть своего формирующегося периода, учась и делая то же, что и другие, насколько это возможно.

Я вовсе не отрицаю огромную ценность этих специальных школ для

¹ Перевод выполнен по изданию: Perry E. Education of the blind. II. The Blind as students //

Century magazine. – vol.35. – 1887. – №1. – P. 163–165.

всех учеников в освоении определённых особых предметов и в изучении применения некоторых изобретений, созданных специально для нужд слепых; и кратковременное пребывание в таком учреждении – скажем, от одного до трёх лет – весьма желательно. Но этого времени вполне достаточно, чтобы воспользоваться всеми специфическими преимуществами, и более длительное пребывание, даже в одном из лучших заведений, я считаю явно вредным.

Жить и трудиться слепым предстоит в реальном, активном мире, а не в защищённых стенах и среди специально приспособленных порядков и обычаев приюта для их категории; и почти неизбежная опасность заключается в том, что длительное пребывание в последнем в значительной степени делает их непригодными для первого. Слишком легко приобретаются определённые особые привычки, сами по себе безвредные и полезные для незрячих, когда они вместе, но привлекающие внимание и выделяющие их как странных в обычном обществе. Например, щёлкать пальцами, чтобы указать положение протянутой руки при приветствии или передаче предмета; издавать какой-либо звук при проходе мимо, чтобы обозначить своё местоположение; шумно и заметно нащупывать нужный предмет – и многие другие подобные действия, которые в школьной терминологии грубо, но метко называют «слепизмами» и от которых очень трудно избавиться, если они уже усвоены.

Кроме того, конкуренция в таких учреждениях всегда и во всех областях происходит только между теми, кто страдает тем же недостатком; и ученик слишком склонен довольствоваться медленными, неуклюжими методами и низким уровнем результатов. Ему необходим постоянный стимул – видеть, как окружающие, многие из которых, по его мнению, уступают ему в уме, достигают большего за меньшее время, будь то в учёбе или в спортивных состязаниях. Это нужно, чтобы пробудить в нем амбиции и активизировать способности, чтобы преодолеть большие препятствия и сравняться с товарищами. Ему нужно расширять кругозор, ежедневно сталкиваясь с предметами и достижениями, которые не входят в его естественную сферу, чтобы избежать узости и односторонности умственного развития. Одним словом, ему нужно постоянно быть среди тех, кто не похож на него, чтобы, насколько возможно, стереть различия между ними, ведь именно среди них, подчиняясь их мнению и законам, ему предстоит идти по жизни.

Лучший план для него – пройти обычный курс обучения в государственной школе, готовя уроки дома или между занятиями с одноклассником, который будет читать их вслух, и подчиняться той же дисциплине, участвовать в тех же развлечениях, что и остальные ученики. Конечно, найдутся вещи, которые он не сможет делать, например, решать задачи на классной доске или играть в бейсбол на перемене. Но и он, и его товарищи, и учитель быстро это поймут и

перестанут ожидать от него невозможного. Иногда он будет ошибаться на уроках и получать ушибы на играх, но, вероятно, не чаще других; ведь необходимость требует от него проявлять осторожность наряду с активностью.

Даже те немногие специальные навыки, которые дают особые преимущества в учреждениях для слепых, могут быть успешно освоены дома, если условия благоприятны; и чем раньше они будут приобретены, тем больше пользы принесут.

Первое и главное среди них – это использование брайлевской доски, на которой выполняется перфорированное или проколотое письмо, изначально французское изобретение, а теперь применяемое почти повсеместно. Она представляет собой простую рамку, на которую кладётся бумага, с подвижной линейкой, служащей направляющей для ведения строк. Раньше письмо выполнялось стилетом, но на новейших и лучших досках к линейке прикреплён скользящий кубик с шестью маленькими клавишами, которые управляют таким же количеством точек внизу и могут нажиматься по отдельности или вместе. Благодаря этому письмо становится гораздо проще и быстрее. Используемый шрифт – это своего рода стенография, образуемая разными комбинациями шести проколов, которые на обратной стороне бумаги создают соответствующие небольшие выпуклости. Осваивается он очень легко, и зрячие люди, знакомые с ним, предпочитают его письму ручкой за то же время. Он достаточно компактен, за-

нимает примерно вдвое больше места, чем обычное письмо, и может читаться как зрением, так и на ощупь с одинаковой лёгкостью, а потому незаменим для личной переписки, ведения заметок и написания черновиков любых литературных работ.

Слепые часто учатся писать разборчиво карандашом; но поскольку они не могут перечитать или исправить такое письмо и должны нанимать помощника для чтения ответов на свои письма, оно имеет сравнительно небольшую ценность. Недавно изобретённые пишущие машинки для такой работы несравненно быстрее и надёжнее.

Книги, напечатанные шрифтом Брайля, гораздо удобнее и разборчивее для тех, кто читает на ощупь, но они настолько дороги и их так мало, что доступны лишь немногим.

Я считаю совершенно напрасной тратой времени обучение чтению обычного рельефного шрифта, который так долго использовался и которому было посвящено столько удивлённых и восторженных похвал. Это одно из изобретений зрячих для слепых. Даже в лучшем случае это всегда медленный, трудоёмкий процесс – продирается на ощупь через один из этих громоздких томов, хотя это может быть интересно наблюдателю. Такой шрифт нельзя воспроизвести письменно, поэтому он бесполезен, кроме как в книгах, а ценные произведения, напечатанные этим способом, можно пересчитать по пальцам одной руки, к тому же они настолько дороги, что человек, способный позволить себе одну такую книгу, мог бы купить полдюжины столь же хороших изданий в самом роскошном

оформлении и нанять кого-нибудь, чтобы ему их читали, что было бы гораздо приятнее.

Ещё одно очень полезное приспособление – это типографская доска, которая заменяет грифельную доску в математических занятиях: это продолговатая доска, плотно покрытая маленькими квадратными отверстиями, в которые можно вставлять металлические или деревянные литеры в любом нужном положении, каждая из которых на верхнем конце имеет знак, обозначающий какую-либо цифру. На такой доске можно решать самые сложные задачи с такой же лёгкостью и точностью, как на грифельной, и довольно быстро.

Деревянные рельефные карты и глобусы, используемые во всех школах для слепых, заслуживают упоминания как реальная помощь в учёбе; но отличную замену может сделать любой друг дома, если аккуратно обведёт контуры карт в обычном атласе серией проколов булавкой с обратной стороны страницы. Положение городов и направление рек можно обозначить таким же образом, создав карту, различимую на ощупь.

Чего бы ни не хватало этим приспособлениям, природная изобретательность и склонность ученика должны восполнить; и, в конце концов, развитие этих качеств гораздо ценнее любого количества фактов или теорий, вбиваемых в его голову по какому-либо «патентованному» методу. Важно то, кем он является, а не чему его научили; тем более, что именно активные, а не запоминающие или усваивающие способности слепых чаще всего оказываются в

опасности быть забытыми и вызывают наибольшее недоверие у окружающих.

В качестве частичной компенсации, среди множества своих разочарований, слепой ученик обладает одним важным преимуществом перед своими сверстниками. Его память, привыкшая схватывать и усваивать факты, определения и разную информацию с первого же прослушивания, приобретает удивительную живость и феноменальную способность к запоминанию, что позволяет ему с необыкновенной лёгкостью и быстротой осваивать определённые предметы. Лишённый книг и не имея надёжного и удобного способа делать заметки, он вырабатывает привычку, которой часто завидуют зрячие, – мгновенно усваивать всё, что обращено к его разуму через слух. Отсюда и общеизвестная хорошая память слепого человека. Его ум – это его записная книжка, всегда под рукой и всегда открыта.

Для автора этих строк, который не помнит, чтобы ему когда-либо читали урок более двух раз, нет ничего более странного и забавного, чем комната, полная школьников, которые, заткнув уши пальцами, бубнят урок из трёх страниц в пятнадцатый раз. Не менее непонятно видеть человека, записывающего один адрес, или даму, сверяющуюся со списком покупок. Такие наблюдения наводят на мысль, что искусство письма, каким бы ценным оно ни было, оказалось губительным для человеческой памяти. Люди настолько привыкли полагаться на листок бумаги с чёрными каракулями, что если он потеряется

или окажется не на месте, они почти превращаются в существ без разума.

Преимущество слепых в этом отношении настолько велико, что почти компенсирует их дополнительные трудности в других областях; то есть слепой ученик осваивает научные и философские дисциплины с такой быстротой, которая компенсирует его менее удобные способы письма на языковых и математических занятиях; так что, проходя обычный курс в академии или университете, он в целом не затрачивает ни больше времени, ни больше труда, чем средний студент.

Не менее ценна в дальнейшей жизни и эта необыкновенно натренированная и развитая память. Она позволяет слепым извлекать из лекций, бесед и общего чтения в десять раз больше пользы, чем другим, на чьем уме одноразовое упоминание фактов и мыслей почти не оставляет следа.

Таким образом, закон компенсации проявляется во всём, восполняя, по крайней мере частично, то, чего не хватает в другом; не благодаря особому таинственному вмешательству Провидения или иной силы в естественные условия и процессы ради блага отдельного человека, как утверждают многие, а через неизбежную последовательность причины и следствия, благодаря которой чувства и способности, подвергаясь необычной тренировке, развиваются аномально сильно, и их ценность существенно возрастает.

III. Занятия для слепых²

Любой человек со средними способностями, если он лишился зрения в раннем возрасте, до того, как его зрительные привычки стали слишком устойчивыми, сможет после нескольких лет опыта преодолеть все реальные трудности, непосредственно вызванные потерей зрения, и выполнять ту же работу, что и другие в выбранной профессии, и делать это не хуже, хотя, возможно, с затратой чуть большего времени и сил и несколько иными методами. Ему не требуется и не захочется просить сочувствия, особых поправок или снисходительного отношения со стороны окружающих; он будет рад стоять на своих ногах, сражаться за себя и полагаться на собственные силы. Но ему, по справедливости, должно быть предоставлено равное право с его зрячими конкурентами, чтобы он мог требовать, чтобы к нему не относились предвзято без честной попытки понять его, чтобы его труд оценивался исключительно по его достоинствам независимо от способа его выполнения или от того, что большинство, не понимая, как он это делает, спешит предположить, что он не способен на это.

На самом деле существует сравнительно мало профессий, в которых, если говорить только о самих слепых, они не могли бы конкурировать с реальными шансами на успех; хотя среди возможных некоторые представляют гораздо большие внутренние трудности, чем другие, а степень общественного признания и

² Перевод выполнен по изданию: Perry E. Occupations of the blind // Century magazine. – Vol.35. – 1887. – № 2. – P. 229–230.

поддержки во многом зависит от количества известных примеров успеха в данной области.

В целом можно сказать, что те сферы деятельности, которые являются чисто интеллектуальными или в которых физические элементы доступны для осязания и слуха, вполне осуществимы; а наиболее выгодными будут те, где особенно востребованы способности, которые слепые вынуждены развивать в необычайной степени, такие как слух и память.

Начнём с ручного труда: определённые виды сельского хозяйства предоставляют отличные возможности, например, овощеводство, разведение птицы и ягод, молочное хозяйство и другие занятия, которые ведутся в ограниченных пределах и все части которых могут быть доступны на расстоянии вытянутой руки. Помимо плетения стульев и изготовления метёл, можно с успехом заниматься обивкой мебели и столярным делом. Большое мастерство в обращении с инструментами – не редкость среди слепых, а сборка и полировка мебели могут выполняться на ощупь так же хорошо, как и на глаз. Качества и различия древесины и тканей легко определяются по текстуре и весу, а их цвет – это просто вопрос памяти.

Существует широко распространённое и совершенно необоснованное заблуждение, что слепые могут определять цвет на ощупь. К сожалению, в некоторых государственных учреждениях и частным образом этим заблуждением пользовались для того, чтобы поразить и заинтересовать публику, хотя сами прекрасно знали, что это не так, и должны были

бы стыдиться. Очень просто держать бусины или шерсть разных цветов в отдельных отделениях или узнавать их, если они смешаны, по размеру, качеству или какой-то мелкой особенности, незаметной для случайного наблюдателя, и таким образом выбирать их с точностью, будто по цвету, поддерживая иллюзию.

Среди более сложных видов квалифицированного труда, особенно подходящих для слепых, – настройка музыкальных инструментов, особенно пианино, – вполне достойная и довольно прибыльная профессия, в которой их исключительный слух используется в полной мере.

В высших интеллектуальных сферах профессия преподавателя предоставляет широкое и многообещающее поле деятельности: философские и метафизические дисциплины, а также языки, вероятно, наиболее благоприятны, причём последние особенно позволяют проявить тонкий слух и исключительную память. В стране есть немало профессорских кафедр, на которые слепой человек с дарованиями мог бы претендовать с точки зрения способностей, хотя получить назначение – это уже другой вопрос. Кафедра проповедника и лекторская трибуна также открывают возможности и привлекательны сами по себе, и уже были достойно представлены представителями этой группы. Но области, где зрение менее всего необходимо и где меньше всего препятствий для входа и успешного продвижения слепых, – это музыка и литература. При наличии способностей и природной склонности они предоставляют

открытую, легко доступную сферу деятельности с немногими недостатками, за исключением некоторых технических моментов, которые можно преодолеть, затратив лишь немного больше усилий, чем другие.

Интенсивная внутренняя жизнь и сильная личность, привычки к сосредоточенности и самоанализу, накопленная сила воображения и эмоций у умов, в какой-то мере отрезанных от естественных выходов и вынужденных обращаться внутрь себя, здесь находят свободный выход и активно востребованы; в музыке же можно в полной мере использовать превосходство в осязании, слухе и памяти.

Можно спросить: почему же тогда так мало слепых людей достигли выдающихся успехов в этой области, в то время как многие из тех, кто пытался, остались лишь на уровне посредственности? Потому что до самого недавнего времени мало кто из их опекунов и учителей действительно верил в их способности настолько, чтобы дать им хотя бы нормальное обучение и обычные возможности. Пока их зрячие конкуренты тратят годы и тысячи долларов на обучение в художественных центрах Европы, слепых держат в специальных школах, где музыкальное руководство чаще всего осуществляют люди неопытные, ленивые и некомпетентные, и любой терпеливый человек, которого можно нанять подешевле, считается достаточно хорошим для роли учителя в таких учреждениях. Рад отметить несколько исключений – учителей, которые действительно делают хорошее дело, и если их число возрастет настолько,

что высокий стандарт станет нормой, результаты в будущем будут совсем иными.

Возможно, это выходит за рамки моей темы, но я хотел бы затронуть здесь один вопрос, который, пожалуй, чаще всего неверно воспринимается в отношении слепых. Я имею в виду их шансы на семейные отношения и счастье.

Распространённое мнение таково: молодой человек, лишённый зрения, обречён на одинокую и уединённую жизнь; что для него любовь и брак невозможны, если только он не соединится с человеком, страдающим от такой же или подобной немоги, или, в очень редких случаях, не встретит спутника жизни, настолько проникнутого духом самопожертвования, что тот из жалости согласится связать с ним судьбу.

На первый взгляд это кажется справедливым утверждением и действительно было бы таковым, если бы оно не основывалось на неверных предпосылках. То есть, если бы все слепые были или обязательно должны были быть беспомощными, бесполезными, вечно жалующимися объектами благотворительности, какими их часто считают (увы, зачастую не без оснований), то не могло бы быть двух мнений о праве ожидать, что нормальный мужчина или женщина будут обречены на их общество на всю жизнь. Но, с другой стороны, если слепой человек, благодаря особым усилиям, необычным талантам или и тому, и другому, сумел преодолеть свою беду и поставить себя наравне с другими, я не вижу причин, почему он не может заслуживать и ожидать справедливой

доли счастья в жизни и в этом, и в других отношениях.

Я старался в этих статьях рассматривать данную категорию людей с полной беспристрастностью и откровенностью – как детей, как учеников, как активных, самостоятельно зарабатывающих граждан и глав семей – и доказать, для поддержки таких же обременённых судьбой людей, для утешения их друзей и просвещения общества, то, что давно является моим убеждением, подтверждённым фактами и опытом: потеря зрения, хотя всегда и прискорбна, вовсе не является безнадёжным и всепоглощающим несчастьем, каким её принято считать.

Дж.Т. Мори

Образование слепых. Ответ³

Я пишу это не из желания спорить, а из ощущения, что школы и учреждения для слепых представлены в ложном свете, и потому хочу выразить протест против некоторых взглядов, высказанных в «Открытом письме» под названием «Слепые как студенты» в ноябрьском выпуске журнала Century.

После сдержанной похвалы в первом предложении нам сообщают, что школы «ужасно однобоки в своем обучении, прискорбно ограничены в своих возможностях». Давайте сначала разберёмся, каковы же их возможности. Одна из них, согласно словам директора, взятым из проспекта, ставит своей целью «во всех случаях подготовить [учеников] к полезной жизни и, если потребу-

ется, к самостоятельному обеспечению себя своими силами»; другая – «предоставить слепым детям штата лучшие известные условия для получения полноценного образования и обучить их какой-либо полезной профессии или ремеслу, чтобы они могли обеспечивать себя после окончания учреждения». Пока что здесь нет ничего «прискорбно ограниченного», и это лишь некоторые примеры из многих, которые можно было бы привести.

Что именно подразумевается под «ужасной однобокостью» их обучения, не совсем ясно. Их обвиняют в поощрении «слепых привычек», таких как «щелканье пальцами, чтобы указать положение протянутой руки при обмене приветствиями или передаче предмета». Как было раньше, не могу сказать, но за три года преподавания и наблюдения за их приветствиями и рукопожатиями я ни разу не замечал «щелканья пальцами», и до прочтения письма мистера Перри даже не слышал о таком способе. Напротив, я знаю случаи, когда ученики приходили в школу со «слепыми привычками», приобретёнными дома, например, раскачивание тела или странные движения руками, которые постепенно исчезали благодаря своевременным и дружеским замечаниям учителей и влиянию новых товарищей, многие из которых прошли через то же самое и теперь внимательно следят за такими особенностями у новичков.

Правда, достигается не всё, чего хотелось бы, но то же самое

³ Перевод выполнен по изданию: Morey J.T. The Education of the Blind. A reply // Century magazine. – Vol.35. – 1887. – P. 806–807.

можно сказать и о государственных школах. Учебная программа в школах для слепых, с которыми я знаком, по крайней мере, соответствует обычной средней школе. В прошлом году одна лекторша из соседнего штата посетила класс слепых по алгебре. После того как она послушала, как ученики решают задачи с двумя и тремя неизвестными по книгам, напечатанным рельефным шрифтом (на изучение которого, по мнению мистера Перри, «время тратится совершенно впустую»), она сказала, что они отвечают не хуже любых зрячих учеников, которых она когда-либо слышала. Молодой человек из той же школы в прошлом году поступил в теологическую семинарию, сдав вступительный экзамен без единого «условия», в то время как несколько других кандидатов, некоторые из которых были выпускниками колледжей, получили «условия» по двум и более предметам. Я привожу эти примеры лишь для иллюстрации образовательных достижений учреждений. Я бы не стал препятствовать обучению слепых в государственных школах, как рекомендует автор, если бы это было возможно. Но мы должны принимать факты такими, какие они есть, и на данный момент это, несомненно, невозможно. Однако сейчас не об этом речь.

Нам говорят, что наши методы «медленные и неуклюжие». Но методы следует оценивать по результатам. Упомянутого молодого человека поздравил с успешной сдачей экзамена его зрячий одноклассник, сказав: «Если бы мой колледж дал мне то же, что твоя маленькая школа дала

тебе, я был бы доволен». Также высказывается возражение, что «конкуренция в таких учреждениях есть всегда и во всех отделах только среди тех, кто ограничен одинаковыми недостатками», и что ученику «нужен постоянный стимул для гордости, чтобы стимулировать его амбиции, потому что он видит, как окружающие его добиваются большего за меньшее время». Какой может быть стимул для ученика, способного выучить урок за одно-два прочтения, если его окружают дети, которые «с пальцами в ушах бубнят трёхстраничный урок в пятнадцатый раз»?

Признаётся эффективность деревянных карт и глобусов при обучении географии; но «отличную замену может предоставить любой друг дома, который аккуратно обведёт контуры карт в обычном атласе».

«Всё, чего не хватает этим приспособлениям, ученик должен восполнить своей природной изобретательностью и способностями».

За этим следует мудрое замечание: «в конце концов, развитие этих качеств гораздо ценнее любого количества фактов или теорий, вбиваемых в голову с помощью специальных методов».

Почему бы не признать это справедливым и для «неуклюжих методов» обсуждаемых школ?

Зачем автор вообще принимает во внимание методы обучения, если, как он сам говорит о ученике, «важно то, кем он является, а не чему его учат, – именно это делает его успешным или неудачником»?

Невнимательный читатель мог бы подумать, что школа для слепых берёт на себя задачу взять любого

«человека младше тридцати» и выпустить его «завершённым образцом образовательного совершенства».

Однако, поскольку возраст учеников обычно составляет от шести до двадцати лет, становится ясно, что это не входит в её «компетенцию».

Вкратце, несмотря на то, что мистер Перри называет методы, применяемые в школах, «неуклюжими», он всё же рекомендует, особенно дома, использовать брайлевскую доску для письма, рельефные карты и доску с шрифтами для арифметических вычислений.

Фактически, это почти всё оборудование, специально разработанное для слепых и используемое в школах, за исключением того, что здесь их применяют под руководством опытных учителей.

Дж. Т. Мори
Институт Перкинса для
слепых, Южный Бостон,
Массачусетс

Приложение

В дополнение к опубликованным материалам мы предлагаем перевод небольшого письма Дж. Т. Мори, опубликованного тогда же, в октябре 1887 года, в журнале *Science*. Его можно рассматривать как дополнительный аргумент, приводимый автором в пользу важности наглядности в обучении слепых детей.

Перевод с английского выполнен по изданию: Morey J.T. *Objects in Teaching // Science*. – 7 Oct 1887. – Vol. 10, issue 244. – P. 179.

Предметы в обучении

Значение предметов для формирования правильных представлений ярко проявилось для меня недавно, когда я преподавал естественную философию в Государственном институте для слепых штата Нью-Йорк, Батавия, штат Нью-Йорк.

Я обычно показывал ученикам определённый прибор за день до того, как мы обсуждали его назначение и принципы, которые он иллюстрирует, чтобы, ознакомившись с его формой и устройством, они могли легче понять его применение. Один из учеников, молодой человек, слепой от рождения, очень любил всевозможные механизмы и быстро понимал назначение тех, что ему показывали. Он часто заранее изучал урок, стараясь как можно точнее представить себе описываемый прибор. Как он потом мне рассказывал, эти представления были далеки от правильных.

Тщательное изучение и понимание каждого следующего предмета, какого бы рода он ни был, значительно пополняет запас правильных понятий, что ценно не только само по себе, но и помогает по аналогии понять другие вещи.

Одна из наших самых успешных учительниц, эмоционально и в красках, описывала своему классу, в котором были дети от восьми до двенадцати лет, не называя предмета, лестницу. В частности, она говорила, что она сделана из дерева, имеет параллельные стороны и т. д., используя при этом такие выражения, которые, казалось бы, легче всего понять,

а затем попросила назвать описанный предмет. Некоторое время никто не мог ответить: назывались разные вещи, один мальчик предположил, что это «карта», так как карты для слепых вырезаны из дерева в рельефе, а стороны рамки параллельны.

Одна маленькая девочка впервые взяла в руки чучело птицы и очень удивилась, обнаружив, что у неё только две ноги, так как до этого считала, что у птиц четыре ноги.

Что бы ни говорили за или против предметного обучения для зрячих детей, для слепых детей оно тем успешнее, чем более оно наглядно.

Дж. Т. Мори
Институт Перкинса, Южный Бостон,
Массачусетс, 3 октября.